

14 (27) января

Преподобноисповедник Иоанн (Кевролетин)

Преподобноисповедник Иоанн родился 23 мая 1875 года в деревне Кулаково Троицкого уезда Тобольской губернии в семье крестьянина Афанасия Кевролетина. Образование получил дома. В 1894 году он поступил послушником в Кыртомский Крестовоздвиженский монастырь в Ирбитском уезде Пермской губернии.

Монастырь был основан в 1878 году и находился в ста десяти верстах от Ирбита и в шестидесяти верстах от Алапаевска на берегу реки Кыртомки. Когда-то здесь были дремучие леса и непроходимые болота. Основателем обители был инок Адриан (в миру Андрей Медведев). Выходец из пермских крестьян, он некоторое время подвизался на Афоне, где принял иноческий постриг, а затем вернулся на родину и стал подвизаться в пермских лесах. Через некоторое время к нему присоединился другой подвижник – Тимофей Шеин, отставной солдат из Тульской губернии. Их трудами и возникла обитель; в 1891 году она получила от Святейшего Синода официальное признание. В монастыре было два храма, и оба в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. В начале XX века в монастыре было около восьмидесяти человек братии. Условия жизни здесь были довольно суровыми. До двенадцати часов дня ничего не вкушали, и сама трапеза состояла из простых и грубых продуктов, хлеб подавался только ржаной. Послушание Ивана в обители заключалось в выделке кож.

Он подвизался здесь шесть лет, находясь в послушании у основателя обители отца Адриана, но по смерти его в 1902 году перешел в Верхотурский Николаевский монастырь. Здесь он нес послушание маляра и плотника. Вскоре настоятелем монастыря был назначен иеромонах Ксенофонт (Медведев), возведенный впоследствии в сан архимандрита. При нем в монастыре был сооружен величественный Крестовоздвиженский собор, в котором была помещена главная святыня обители – мощи святого праведного Симеона Верхотурского.

20 декабря 1907 года послушник Иоанн был пострижен в мантию с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца, память которого празднуется в этот день. В 1909 году монах Игнатий был рукоположен во иеродиакона, а в 1913 году, в день освящения нового собора, – во иеромонаха.

В 1925 году Верхотурский монастырь был безбожниками закрыт; монахи частью остались жить в городе, а частью разошлись по окрестным селам и служили в приходских храмах. Отца Игнатия еще до закрытия монастыря часто посылали служить в разные храмы, где не было на тот момент священника. С 1919 по 1922 год отец Игнатий служил в храме в селе Сербишна Невьянского района. В 1922 году в течение девяти месяцев он служил в Казанском храме в заводе Касли, с конца 1922 года стал служить в храме в Верхне-Исетском заводе, с 1923 по 1924 год – в храме во имя преподобного Сергия на заимке* Исток. В 1924 году он вернулся в Верхотурье и служил до 1925 года в одном из монастырских храмов.

* Заимка – хутор.

В те годы любой из священников мог быть подвергнут неожиданному аресту, и отец Игнатий, зная это, старался уклоняться, насколько это было возможно, от встречи с сотрудниками ОГПУ. Однажды они пришли в дом его духовной дочери, в то время когда он там находился; девушка спрятала отца Игнатия в подполе, а сама настолько смело и находчиво отвечала пришедшим, что полностью отвела их подозрения, что священник находится в доме, и они ушли, не произведя обыска.

Впервые иеромонах Игнатий был арестован в 1925 году и заключен в тюрьму ОГПУ, где провел около месяца. Из тюрьмы его выпустили глубоким вечером, и он сразу пошел к знакомым монахиням и стал стучаться, но, чтобы не быть услышанным посторонними, в ответ на их вопрошания ничего не отвечал. Было поздно, они не знали, кто стучит, и не открывали ему. Тогда отец Игнатий сказал жалобным голосом: «Теща меня на улицу выгнала, и здесь не пускают». Его сразу узнали по голосу и по тому, что и раньше он тюрьму называл «тещей», и впустили.

Преподобноисповедник Иоанн

С 1925 по 1927 год отец Игнатий служил в храме в селе Дымково, в 1927 году он был переведен в храм в заводе Николо-Павдинск, а затем в Ирбит. В 1928 году его перевели в храм в городе Долматово, где он прослужил два месяца, а затем в село Кислово. С 1929 по 1931 год он служил в храме в селе Федоровка, а затем – в селе Сербишна, где и был арестован.

В 1931 году ОГПУ поставило своей целью уничтожение всех монашеских общин на Урале. Аресты были произведены в начале 1932 года. Всего по делу только братии Верхотурского монастыря было арестовано сто сорок человек, и среди них отец Игнатий; он был арестован 28 марта 1932 года. На вопрос следователя, состоял ли иеромонах Игнатий в контрреволюционной организации,

он ответил: «Я действительно состоял членом монашеской организации, которая после закрытия Верхотурского монастыря в 1925 году продолжала существовать непосредственно под руководством архимандрита Ксенофонта (Медведева). К последнему я ездил летом 1930 года за получением совета, как к настоятелю. Признаю, что действительно, как монашествующий, по своим взглядам и убеждениям был противником, диаметрально противоположен установкам и мероприятиям советской власти, иначе не могло быть. Если разделять полностью взгляды советской власти, значит, нужно перестать быть монахом; быть монахом – значит быть врагом советской власти и партии. Для меня монашество было важнее советской власти, и я, естественно, был и являюсь врагом последней, но контрреволюционной работы не проводил...»

Завершая следствие, следователь в последний раз вызвал на допрос отца Игнатия и спросил, не хочет ли он раскаться перед советской властью, на что отец Игнатий ответил: «На поставленный мне вопрос, хочу ли я раскаться перед советской властью, показываю, что я раскаиваться перед советской властью не хочу и не буду».

7 сентября 1932 года Особое Собрание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Игнатия к трем годам ссылки в Западную Сибирь, и он вместе с группой священнослужителей и монахов был отправлен этапом в Нарымский край, где часть пути им пришлось пройти пешком. В ссылке отец Игнатий заболел цингой, от которой ему помогла вылечиться его духовная дочь, приехавшая ухаживать за ним и привезшая со своей пасеки мед.

Иеромонах Игнатий (Кевролетин). 1915 год

Возвращаясь домой по окончании срока ссылки, отец Игнатий оказался в одном вагоне с уголовниками. Чтобы не привлекать к себе внимания, он стал принимать участие в разговорах, и даже вертел в руках папиросу, изображая, что собирается закурить, и таким образом благополучно доехал до Екатеринбурга. Но

здесь силы оставили его, он едва добрался до квартиры духовной дочери и на ее пороге упал. В Екатеринбурге, как и во многих других крупных городах, ему было жить запрещено, и он поселился в маленьком ветхом домике на окраине Верхотурья. Место было глухое, и отца Игнатия стали беспокоить здесь хулиганы; но некий раб Божий по имени Михаил, который работал зубным врачом и был пострижен в монашество, дал денег на покупку нового дома, расположенного неподалеку от Верхотурского монастыря, так что отсюда хорошо был виден величественный Крестовоздвиженский собор. Сюда отец Игнатий и переехал вместе с помогавшими ему по хозяйству келейницами, схимонахиней Евдокией и монахиней Симеонией.

Наступил новый период в жизни подвижника, когда он стал скрываться от мира за внешней формой юродства. Одеваться стал в светскую одежду, иногда и в женскую, так что бывало, что его не узнавали и хорошо его знавшие. Некоторое время он пас на окраине города коз и был любимцем всех окрестных мальчишек, которые тесным кружком собирались вокруг него, с упоением слушая его рассказы.

У отца Игнатия оставалось много духовных детей, и он, навещая их, совершал в их домах таинства. Когда состояние здоровья не позволяло покидать дом, он принимал духовных детей у себя в келье. Здесь отец Игнатий вместе со своими келейницами вычитывал весь богослужебный круг.

Об этом периоде жизни подвижника сохранились воспоминания людей, его знавших. Один из священников рассказывал: «У меня в памяти отец Игнатий остался человеком находчивым, неунывающим... Он слегка юродствовал, искал повода, чтобы его осудили, посмеялись над ним. Однажды пришел в Ивановскую церковь на Пасху, в середине службы заходит и говорит: “Проспал я службу, только что пришел”. Удивились, конечно, посмеялись. Дома у себя тоже чудил: в женский халат оденется, на голове скуфейка, как у звездочета, набок надета, по сторонам два пучка волос торчат, шея голая – это он вышел умываться. Келейницам его большое терпение требовалось, чтобы его причуды выносить. Они только начнут что-нибудь варить – он выйдет на кухню, кастрюли перевернет или огонь водой зальет, а потом быстро к себе в келейку, в одеяло завернется и лежит тихонько. Любил своих чад называть “страшилищами”. Службы совершал в крохотной своей келье. Про кровать свою говорил, что кто на нее ляжет, тот получит исцеление. И я, действительно, это на себе испытал».

Духовная дочь отца Игнатия рассказывала: «Я жила в Верхотурье, работала в швейной мастерской, а к отцу Игнатию ходила благословляться. На работе у меня не ладилось, машина ломалась, ничего не получалось. Отец Игнатий надо мною посмеивался: “Ну вот, шила да порола, шила да порола”. Но однажды сказал: “Ты праведному Симеону молишься? А ведь он был портной. Вот и проси, чтобы он тебе помог. Своими словами проси”. Я стала молиться и просить праведного Симеона о помощи. И стало лучше получаться в работе, сложные заказы стали давать, лучше тех получалось, кто раньше меня начал работать. Но огорчений всегда было много. Бывало, бегу с работы к батюшке – и, пока бегу, на душе посветлеет, прихожу: “Благословите, батюшка! Сейчас сколько хотела вам рассказать, да все забылось”. А он: “А ты рассказала, я слышал – вот про это и про это”. И правда я об этом думала, когда к нему шла.

Как-то велел мне поленницу складывать. Я складывала, складывала – вот готова поленница, а он подошел, палочкой толкнул – и она рассыпалась. Мне обидно, а батюшка меня же и ругает: “Вот какая бестолочь, поленницу сложить не

можешь”. В другой раз я в огороде грядки копала, борозды делала, а он стоит рядом и ругает: “Какая же ты бестолковая, землю копать не умеешь. Положи-ка палку – видишь, неровно!” Я ровняю, ровняю, он опять: “Ты видишь – там дыра, там дыра”. Я обиделась, ушла. Потом вернулась: “Батюшка, простите, благословите!” Он, радостный, сияющий, благословил меня, и я – как на крыльях весь день.

Однажды оделся странником, пришел к одним матушкам, стучит, просит милостыню, а они говорят: “Нет ничего!” А он все стучит, стучит по железке. Они говорят: “Какой нищий! Надо посмотреть, не утащит ли чего!” Подошли поближе и узнали – это же отец Игнатий. “Батюшка, заходи!” А он: “А! Узнали, так заходи! Да не пойду я!” – И ушел».

Жительница Верхотурья рассказывала: «Один раз дали ему в мороз валенки. Он их стал надевать и говорит: “А что, в чужих-то тепло”. Женщина сказала, смутившись: “Простите, батюшка, и вправду чужие”».

Иеромонах Игнатий после ссылки

Приехал он как-то в одно село и пришел в избу к знакомым. Хозяйка стала его кормить: подала хлеб и похлебку, а пироги утаила. И принялся он есть да приговаривать: “Сами-то пироги едят, а меня похлебкой кормят”.

Батюшка учил нас молиться со вниманием. К посещению службы церковной он сам относился строго и нас тому же учил. Однажды мы во время службы собрались огород копать, пришли благословиться, а он: “А на службу кто пойдет?”».

В последние годы отец Игнатий тяжело болел и незадолго до смерти был пострижен в схиму с именем Иоанн. Духовная дочь его рассказывала: «Я сижу в уголке, плачу и прошу Царицу Небесную, чтобы взяла нашего батюшку к Себе. А он говорит: “Смотрите, она молится, чтобы я умер”. Он любил пошутить. Как-то

пришли женщины и спрашивают: “Тяжело лежать, батюшка?” А он и говорит: “Так не буду лежать, меня дрова колоть заставят”.

В день его смерти пришло много народу и спрашивают: “Батюшка, читать канон на исход души?” А он говорит: “Рано еще”. Через некоторое время я начала читать, а он говорит: “Не так надо читать”. И сам прочитал полторы страницы, а потом уже не было сил читать и читали другие».

Иеросхимонах Иоанн (Кевролетин) скончался 27 января 1961 года. Летом 1993 года были обретены его мощи и перенесены в Верхотурский Николаевский монастырь.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 129-137